

угрозу вооруженного действия с некоторыми уступками крестьянам, то в конце

1918 г. их риторика и действия носили характер военной акции.

Библиографический список

1. Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. — М., 2010. — 967 с.
2. Государственный архив Липецкой области. — Ф. Р-7. — Оп. 1. — Д. 12.
3. Государственный архив Орловской области. — Ф. П-1. — Оп. 1. — Д. 1. — Д. 30.
4. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р-393. — Оп. 2.
5. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. — Ф. П-382. — Оп. 1. — Д. 57.
6. Государственный архив Тамбовской области. — Ф. 1058. — Оп. 1. — Д. 22.
7. Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920. Сб. док. / отв. состав. Е. П. Лукьяшко, науч. ред. О. М. Морозова. В 2 т. — Т. 1. — Ростов-на-Дону, 2017. — 458 с.
8. Каливас С. Логика насилия в гражданской войне. — М., 2019. — 784 с.
9. Крестьянское движение в Тамбовской губернии 1917–1918 гг.: документы и материалы / сост. В. П. Данилов [и др.]. — Москва, 2003. — 477 с.
10. Музаев Т. М. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 года. — Нальчик, 2012. — 606 с.
11. Разиньков М. Е. Мир и порядок: ускользающие смыслы русской революции // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России: сборник статей / под ред. Б. И. Колоницкого [и др.]. — СПб., 2022. — С. 128–150.

УДК 94:351.74 (571.12) (092)

И. В. Скипина

ТЮМЕНСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С ВОССТАВШИМ КРЕСТЬЯНСТВОМ (1921 год)

Аннотация. В статье анализируется деятельность Тюменского губернского ревтрибунала, занимавшегося судебным разбирательством дел участников крестьянского восстания 1921 года. Установлено, что судьи ревтрибунала, рассмотрев дела продработорников и восставших крестьян, пришли к заключению, что обе стороны добивались своих целей насильственными методами. Ревтрибуналы сыграли существенную роль в легитимации насилия, проявленного властями по отношению к крестьянству, замалчивая роль государственных структур, принявших решения о проведении продразверстки, ставшей основной причиной крестьянского недовольства 1921 года. Итогом непродуманных решений большевиков стала эскалация противостояния властей, прежде всего, в лице работников продовольственного фронта и крестьян, вылившаяся в вооруженную борьбу, закончившуюся победой большевиков.

Ключевые слова: насилие, революционный трибунал, крестьянское восстание

THE TYUMEN PROVINCE REVOLUTIONARY TRIBUNAL AS A TOOL OF FIGHTING AGAINST THE REVOLUTIONARY PEASANTRY (1921)

Abstract. The article analyzes the activities of the Tyumen provincial revolutionary tribunal, which was involved in the trial of cases of those who participated in the peasant uprising of 1921. It has been established that the judges of the Revolutionary Tribunal, having considered the cases of *prodrabotniki* (food surplusrequisitioners) and rebellious peasants, came to the conclusion that both sides achieved their goals by violent means. The revolutionary tribunals played a significant role in legitimizing the violence shown by the authorities against the peasantry, hushing up the role of governmental structures that decided to carry out the food surplus requisition, which became the main cause of the peasant discontent in 1921. The result of the ill-considered decisions of the Bolsheviks was the escalation of the confrontation between the authorities, primarily of the “workers of the food front” and the peasants, which resulted in an armed struggle that ended in the victory of the Bolsheviks.

Key words: violence, Revolutionary Tribunal, peasant uprising

Современными исследователями Гражданская война рассматривается как сложное социальное явление, сопровождающееся вооруженным противостоянием сторон, не исключающим насилие [4, с. 45–46]. Большинство историков сегодня считают Гражданскую войну в России порождением Первой мировой войны. При этом авторы подчёркивают, что именно мировой конфликт положил начало проявлениям жестокости и насилия, поэтому «красный» и «белый» террор периода Гражданской войны воспринимались населением как неизбежность военной повседневности [7, с. 9–26].

Революционные изменения, произошедшие в России в 1917–1922 годах, привели к краху государственных институтов, сопровождались глобальными институциональными преобразованиями, в том числе и в судебной системе. Реализация принципов диктатуры пролетариата шла на основе формирования новых структур, способных обеспечить и в центре, и на местах советский порядок, при этом цель оправдывала средства.

В этом отношении значительную роль в реализации большевистских планов по наведению порядка играли революционные трибуналы, действующие в стране

в 1918–1923 годах. Ревтрибуналы были призваны, совместно с Всероссийской чрезвычайной комиссией (ВЧК) и ее территориальными отделениями, при поддержке частей особого назначения (ЧОН) обеспечить порядок в регионах, не исключая использование методов «красного террора». Исследователи истории революционных трибуналов отмечают, что в советской историографии авторы характеризовала их работу исключительно с положительной стороны, считая политику «красного террора» вполне оправданной в условиях жесткого противостояния сторон.

Современные авторы неоднозначно оценивают их деятельность, подчеркивая, что в ходе борьбы с контрреволюцией, мародерством, хулиганством, проявлениями крестьянского недовольства нередко неоправданно применялись методы насилия в отношении гражданского населения. Многие авторы подчеркивают, что жестокость и насилие, имевшие место как со стороны служащих ревтрибуналов, так и со стороны задержанных, были обусловлены не только социально-политическим несогласием сторон, но и длительным эмоциональным напряжением, голодом, разрухой, эпидемиями, нехват-

кой продовольствия, в целом ухудшением уровня жизни населения [1, с. 143–144]. Говоря о ревтрибуналах ученые в большинстве случаев соглашались с мнением о том, что формирование этих структур большевиками было обусловлено объективной необходимостью наведения порядка в стране, борьбой с преступностью, в том числе и уголовной, которая значительно выросла в годы Гражданской войны [6, с. 3–16].

Подписание СНК РСФСР 22 ноября 1917 года Декрета «О суде», 4 мая 1918 года Декрета «О революционных трибуналах» и 18 марта 1920 года Положения «О революционных трибуналах» заложило правовой фундамент борьбы с контрреволюцией, должностными преступлениями, дезертирством и дискредитацией советской власти. Данные решения дали широкие права ревтрибуналам по применению жестких мер наказания по отношению к гражданам, обвиненным в антигосударственной деятельности. Все ревтрибуналы страны были подчинены Реввоенсовету советской республики. Деятельность ревтрибуналов осуществлялась на протяжении 1918–1923 годов. Решения предполагали усиление взаимодействия советских и партийных органов в борьбе с контрреволюционными проявлениями. Историки заметили, что постепенно ревтрибуналы стали эволюционировать в сторону «советско-партийного правосудия» и постепенно теряли самостоятельность в рассмотрении судебных дел. При этом формирование нормативно-правовой база деятельности ревтрибуналов так и не было завершено вплоть до их ликвидации в 1923 году.

Особенно ярко неразделённость сфер деятельности региональных органов власти прослеживается в отношениях между губернской чрезвычайной комиссией, судами общей юрисдикции и ревтрибуналом. Несогласованность действий этих структур проявилась в случаях наведения порядка в территориях, где имели место

крестьянские восстания, вызванные продовольственной разверсткой и изъятием у крестьян не только, так называемых «излишков», но и семенного хлеба зимой 1920–1921 года. Долгое время считалось, что это были кулацко-эсеровские мятежи, но в последние два десятилетия эти события трактуются большинством историков как этап Гражданской войны, завершившийся окончательной победой большевиков. Документы свидетельствуют о том, что изъятием семенного хлеба были недовольны все деревенские жители, а не только кулаки, так как население деревни оказалось на грани голода. Например, члены Тюменской губернской ЧК не раз заявляли, что им, в сложившихся условиях, приходится применять чрезвычайные меры практически ко всему крестьянству, так как большая часть деревни отказывалась выполнить задания продразверстки в полном объеме и открыто выражала недовольство политикой властей.

Проблема разделения ответственности за наведение порядка в крестьянской среде между государственными структурами и их отделениями на местах нарастала по мере усиления давления на крестьянство с целью изъятия хлебных запасов. Особенно остро вопрос встал в середине 1920 года, проблема приобрела еще большую остроту по мере усиления давления на деревню с целью изъятия продовольствия для нужд города и армии. Появились управленцы, считающие, что изъятие продовольствия у недовольных крестьян должно производиться любыми методами, доступными продработникам, в том числе и силой. Тюменский губпродкомиссар Иденбаум, ответственный за выполнение продразверстки, заявлял, что за уклонение крестьян от выдачи излишков каждый продработник может наложить наказание на нарушителей без рассмотрения дела в суде и ревтрибунале [2, ф. 282, оп. 1, д. 49, л. 14 об.].

В то же время летом 1920 г. Тюменский губотдел юстиции заявил, что такой порядок наложения взысканий, при этом таких тяжких, как заключение в концентрационный лагерь, конфискация имущества, приобретет в глазах населения характер ничем не ограниченного произвола со стороны продагентов. Это приведет, считали работники губюста к нежелательным последствиям и подорвет авторитет властей, поэтому следует ограничить меры давления на крестьян, доступные продорганам, непосредственно ответственным на проведение разверстки. Однако данная проблема так и не была решена, более того, она обострялась по мере усиления давления на крестьянство. Недовольство подрработой приобретало массовый характер, Тюменскому губисполкому пришлось давать разъяснения по этому поводу. В выписке из протокола заседания Президиума Тюменского губисполкома от 22 декабря 1920 г. говорилось: «считаем, что продорганы имеют право непосредственно применять реквизиции и конфискации в подлежащих случаях, с последующим рассмотрением этих дел судебными органами» [2, ф. 282, оп. 1, д. 49, л. 7 об.]. В ответ губотдел юстиции, которому подчинялись местные ЧК и ревтрибуналы, писал в исполком местного совета: «Остается неясным, что, собственно, должно в таких случаях подлежать судебному рассмотрению, и с какой целью? Если считать, что суд вправе принимать к своему производству жалобы на неправильное и незаконные действия продорганов, то у них не может быть отнято и право отмены незаконных постановлений этих органов, с возвращением реквизированного или конфискованного имущества их владельцам. Но в таком случае как согласовать это право суда с необходимостью губисполкома «немедленно применять к виновникам карательных санкций без соблюдения при этом обычных судебных гарантий» [2, ф. 282, оп. 1, д. 49,

л. 7–7 об.]. Кроме того, как могли убедить участники событий, продагенты считали себя в праве в свою очередь отдавать приказы об аресте и самих судей, вмешивающихся в продовольственную политику, не давая в то же время никаких объяснений на счет правомерности своих действий. Все это создавало такое положение, отмечалось в документе губернского отдела юстиции, при котором суду и следователям приходится остановить всякое производство по жалобам на действия подагентов. Вследствие чего отдел юстиции вынужден был просить о неотложных мерах по разрешению поставленных вопросов, так, как и в самом отделе, и у судей, и у следователей скопилась масса незавершенных дел и жалоб. По ряду дел губотдел юстиции 6 декабря 1920 года вынес постановление коллегии, в котором признал незаконность действий ряда подрработников, однако, это уже не помогло стабилизировать обстановку, недовольство деревни политикой большевиков продолжало нарастать и в начале 1921 года вылилось в крестьянское восстание [2, ф. 282, оп. 1, д. 49, л. 13].

Явная неразбериха в полномочиях губернских органов власти, отсутствие в их деятельности правовой основы, учитывающей специфику региона, привели к тому, что недовольство властями вылилось в открытое противостояние сторон, и решение проблемы путем переговоров уже не представлялось возможным. Обе стороны стали применять жесткие методы отстаивания своих интересов, конфликт принял вооружённый характер. Каждая из сторон, желая победы, использовала самые разные методы, вплоть до физического уничтожения противника. Власть вела борьбу с восставшим крестьянством, используя все возможные методы, направленные на подавление крестьянского восстания, начавшегося в начале 1921 года. На подавление мятежников властями были направлены отряды

Красной армии. В свою очередь крестьяне вооружались чем могли, вилами, топорами, подручными материалами и шли на борьбу за свои права. Несомненно, что крестьянские выступления были подавлены, советская власть торжествовала, разверстка была успешно завершена, продработники насильно изыали хлеб их закромов. Тюменская губерния выполнила задания по сбору семян на 100 процентов. Для крестьян это было поражение, пришло понимание того, что власть большевиков установилась надолго, а методы давления на деревню с целью использования ее продовольственных возможностей будут самыми жесткими. Оставшиеся в живых зачинщики восстания арестовали, они попали под суд ревтрибунала и были сурово наказаны.

Однако власти все-таки были вынуждены принять меры для объяснения своих действий по отношению к крестьянству в 1921 году, большевистское руководство стремилось придать действиям продотрядов легитимный характер. Так, Тюменский губернский революционный трибунал, рассматривая дела, связанные с крестьянским недовольством продразверсткой, а также материалы, свидетельствующие о разнузданном поведении продработников по отношению к разбужавшемуся крестьянству, был поставлен перед необходимостью требовать у властей дополнительные разъяснения полномочий советских работников по вопросу разверстки, однако никаких пояснений судебные органы так и не получили. В данном случае за основу был взят принцип: цель оправдывает средства [9, 2015]. Большевистское руководство так и не признало своих ошибок и обвинило в превышении властных полномочий, приведших к обострению ситуации в деревне, в первую очередь рядовых продработников, многие из которых попали впоследствии под суд ревтрибунала и получили суровое наказание, вплоть до расстрела.

Впоследствии, после решений центра о переходе от продразверстки к продналогу, власти рекомендовали с большей осторожностью рассматривать данные дела. При этом большевистское руководство исходило из того, что следует осудить тех советских работников, которые превышали полномочия при взыскании с крестьян продналога, допускали рукоприкладство и незаконные поборы продуктами, то есть прямое насилие. При этом говорилось, что нужно учитывать незнательность деревенских жителей и поступать по отношению к ним более снисходительно, чем к продработникам, допустившим незаконные действия. Вполне очевидно, что власти хотели отмежеваться от своих же решений и, прежде всего, требования любыми средствами добиться изъятия «хлебных излишков» в сибирской деревне, при этом они старались переложить вину на продработников, которые допускали, якобы, вопреки закону, превышение полномочий и нажим на крестьянство. Именно продработники, отмечалось во многих документах, пришедших на места из центра, вызвали массовое недовольство деревни советской политикой зимой 1920–1921 года. В итоге власти приняли решение об использовании армейских частей в борьбе с мятежниками, которым удалось установить контроль над Тюменской губернией и восстановить деятельность советских учреждений к весне 1921 года.

Данные факты требуют дальнейшего анализа, так как сами продработники, подвергшиеся суду ревтрибунала, в своих показаниях заявляли, что они оказались в двойственном положении: с одной стороны, на них нажимали сверху, требуя высоких показателей сбора хлеба по разверстке, а, с другой, они боялись выстрела в спину со стороны крестьян. В итоге многие из них оказались осужденными, как судом, так и общественным мнением. Необходимо дальнейшее изучение конкретных дел, рассмотрен-

ных ревтрибуналом, с целью установления виновности сторон, участвующих в конфликте 1920–1921 годов.

Важным источником по данному вопросу являются судебно-следственные дела осужденных ревтрибуналами, в числе обвиняемых оказались и крестьяне-мятежники, и советские работники, превысившие свои полномочия [8]. Сохранились анкеты арестованных, подследственных и осужденных, имеются некоторые протоколы допросов, заключения следователей, копии приговоров, кассационных жалоб [2, ф. 151, оп. 1, д. 54, 140, 142]. Данные материалы свидетельствуют о том, что разобраться в делах достаточно еще и потому, что они велись непрофессионально, сказывалась перегруженность работников ревтрибунала, слабая подготовка следователей, малограмотность делопроизводителей судов [3, с. 111–113]. Не хватало бумаги, транспорта для поездок в уезды, особенно трудно было добираться в северные территории, положение усугублялось недостаточным финансированием. Вместе с тем, дел для разбирательства в ревтрибунал поступало много. Только с января 1922 г. по октябрь 1922 г. было проведено 53 заседания Тюменского губернского ревтрибунала. Основную группу осужденных представляли крестьяне, их число составляло более 70 % осужденных, рабочие составляли в разные годы работы трибунала от 12 % до 16 %, остальные являлись представителями интеллигенции, являлись служащими [2, ф. 3, оп. 1, д. 62, л. 68 об.].

Периодическая печать систематически освещала деятельность ревтрибунала, подчеркивая его значимость в наведении порядка. Особое внимание в газетах уделялось делам, связанным с уголовными преступлениями советских работников, имевшими место на «продовольственном фронте», а также делам, возбужденным по причине использования ими служебного положения с целью лич-

ной наживы. В периодике находили резонанс дела армейских дезертиров, не желавших под разными предложениями идти в Красную армию. Представляется, что анализ деятельности ревтрибунала был бы более объективным, если бы исследователи обратились к изучению конкретных дел, поступающих на рассмотрение в суды, рассматривали их общественный резонанс и смысловую задумку властей. Судя по прессе, призванной не только освещать события, при чем только те, что были разрешены властями, но и формировать общественное мнение, можно считать, что публикации соответствовали политике центра, а судьи ревтрибунала следовали указаниям «уложиться» в те виды преступлений, которые находились в их ведении. Больше половины публикаций освещали «контрреволюционные выпады» крестьян, связанные с их выступлениями против продразверстки в 1921 году. Вместе с тем материалов, рассматривающих причины и сущность крестьянского недовольства политикой большевистского руководства, в периодической печати не размещали [5].

Ревтрибуналы являлись важным звеном складывающейся советской судебной системы. В условиях войны необходимы были действенные меры по усилению борьбы с преступностью, которая значительно выросла в период революционных перемен. Усиление судебной системы действительно являлось объективной необходимостью в сложившейся ситуации. Однако реализовать данную установку ревтрибуналам так и не удалось, более того, они превращались орган, осуществлявший правосудие на основе идеологических установок, подчиненности советским и партийным структурам, а не принципов равенства всех перед законом, гласности и независимости суда. Кроме того, они сыграли существенную роль в легитимации насилия, проявленного по отношению крестьянству, отстаивавшему

право на распоряжение результатами своего труда, не желая выполнять неподъемные для деревенских хозяйств задания

продразвёрстки, принятые советским руководством.

Библиографический список

1. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 2010. — 967 с.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГБУТО ГАТО). — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 62; Оп. 2. — Д. 49; Ф. 151. — Оп. 1. — Д. 54, 140, 142; Ф. 282. — Оп. 1. — Д. 49.
3. Зайцева К. А., Щербич С. Н. Документирование судопроизводственной деятельности Тюменского губернского военно-революционного трибунала (1918–1923 гг.) // В мире научных открытий. — 2010. — № 3–1. — С. 110–114.
4. Каливас С. Логика насилия в гражданской войне. — М., 2019. — 794 с.
5. Кудрявцев Н. В., Скипина И. В. «Громкие дела» Тюменского губернского революционного трибунала // Вопросы истории. — 2018. — № 12. — С. 133–145.
6. Павлов Д. Б. Трибунальный этап советской судебной системы. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. — 2007. — № 6. — С. 3–16.
7. Поршнева О. С., Фельдман М. А. Осмысление российской Гражданской войны в контексте двух юбилейных дат // Известия Уральского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 20. — № 3 (178). — С. 9–26.
8. Скипина И. В. Источники по истории Тюменского губернского революционного трибунала: итоги изучения // Документ в оперативной и ретроспективной среде. — Тюмень, 2012. — Вып. 2. — С. 53–59.
9. Скипина И. В., Кудрявцев Н. В. О статусе следователей революционных трибуналов. 1918–1923 гг. (на материалах государственного архива Тюменской области) // История государства и права. — 2015. — № 18. — С. 40–45.